

Д.А. Сенькина

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА УЩЕРБА, ПРИЧИНЁННОГО ПРЕДНАМЕРЕННЫМ БАНКРОТСТВОМ

Дарья Александровна Сенькина – аспирант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург; e-mail: st039393@student.spbu.ru.

В данной статье проведён анализ доктрины и правоприменительной практики по вопросу определения размера ущерба, причинённого в результате совершения преднамеренного банкротства, уголовная ответственность за которое предусмотрена статьёй 196 УК РФ, в частности, с точки зрения установления содержательной и стоимостной характеристик ущерба, а также определения момента причинения ущерба. Автор полагает, что настоящее исследование позволит минимизировать ошибки при квалификации преднамеренных банкротств.

Ключевые слова: несостоятельность; преднамеренное банкротство; ущерб; определение размера ущерба; содержание ущерба; кредиторы.

D.A. Senkina

ASSESSMENT OF DAMAGE RESULTING FROM DELIBERATE BANKRUPTCY

Daria Senkina – postgraduate student, St. Petersburg State University, St. Petersburg; e-mail: st039393@student.spbu.ru.

We analyze the doctrine and law enforcement practice concerning damage assessment resulting from deliberate bankruptcy stipulated by Article 196 of the Criminal Code of the Russian Federation, in particular, in terms of describing the damage and estimating the loss as well as determining the time of damage. We believe that the study in question will contribute to minimizing errors in the qualification of deliberate bankruptcies.

Keywords: insolvency; deliberate bankruptcy; damage; damage assessment; damage description; creditors.

Одной из основных стратегических задач по обеспечению безопасности экономической деятельности в России является предотвращение случаев совершения преднамеренных банкротств, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 196 Уголовного кодекса РФ (УК РФ). В целях выполнения вышеуказанной задачи представляется необходимой разработка качественной уголовно-правовой характеристики этого преступления.

Анализ судебной и следственной практики показал, что при квалификации существенные сложности вызывает объ-

ективная сторона данного преступления, которая, согласно диспозиции ст. 196 УК РФ, представляет собой, во-первых, действия или бездействия, заведомо влекущие неспособность индивидуального предпринимателя или юридического лица в полном объеме исполнить обязанность по уплате обязательных платежей и (или) удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам; во-вторых, общественно опасные последствия в виде причинения крупного ущерба; в-третьих, причинно-следственную связь между деянием и последствиями. Преступление,

предусмотренное ст. 196 УК РФ, является длящимся и имеет материальный состав. Противоправные действия, направленные на создание или увеличение неплатежеспособности, нацелены на формирование финансового состояния, при котором должник будет лишен возможности исполнить обязательства в полном объеме перед контрагентами по гражданско-правовым обязательствам и перед государством по обязательным платежам. Причинение ущерба при совершении преднамеренного банкротства обусловлено появлением у должника признаков объективного банкротства, возбуждением в отношении него процедуры несостоятельности (банкротства) в арбитражном суде, которое является следствием противоправного уклонения от исполнения обязательств.

Особое внимание важно уделить особенностям доказывания причинно-следственной связи между деянием и последствиями. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» обращено внимание на недопустимость использования теории ближайшей причины. В частности, в абзаце 3 п. 16 Постановления указано, что единственной предпосылкой банкротства не может быть признана последняя сделка (операция) должника, которая привела к появлению признаков объективного банкротства, соответственно, надлежит проводить исследование совокупности сделок (операций) должника. Вместе с тем в абзаце 3 п. 19 Постановления прослеживается очевидная ориентированность на теорию *conditio sine qua non*: причиной объективного банкротства предлагается признавать действия (бездействия) контролирующего лица, объективное банкротство без которых не наступило бы. Если увеличению размера долговых обязательств также способствовали внешние факторы, лицо подлежит субсидиарной ответственности, размер которой, однако, может быть уменьшен. Изложенный подход неприменим в уголовном праве, поскольку причинно-следственная связь наблюдается, если соот-

ветствующие деяния были не только необходимыми, но и достаточными для наступления общественно опасных последствий. В целях привлечения к уголовной ответственности требуется исключить определяющее или существенное влияние внешних факторов, таких как неблагоприятная конъюнктура рынка, финансовый кризис и т.д.

В рамках настоящего исследования обратимся к дискуссионной проблеме определения размера ущерба, причиненного преступлением, которая вызывает споры представителей научного сообщества и практических работников. В соответствии с примечанием к ст. 170.2 УК РФ размер крупного ущерба в денежном эквиваленте должен превышать 2 250 000 рублей. Полагаем, в текущих экономических реалиях представляется целесообразным установление квалифицирующего признака в виде причинения ущерба в особо крупном размере (более 9 000 000 рублей).

В юридическом сообществе существует мнение о том, что состав ст. 196 УК РФ необходимо сделать формальным, исключив из него последствия в виде крупного ущерба. В частности, данную точку зрения разделяет М.Г. Жилкин [4, с. 64]. Однако указанный правовой подход представляется неприемлемым, поскольку отказ от этого криминообразующего признака нивелирует критерий, который позволяет разграничивать преступление, предусмотренное ст. 196 УК РФ, от административного проступка (ч. 2 ст. 14.12 Кодекса РФ об административных правонарушениях).

В диспозиции ст. 196 УК РФ в качестве последствий предусмотрены имущественные потери экономического характера. Однако ретроспективный анализ показывает, что до 2003 г. в диспозиции статьи также было предусмотрено, наряду с причинением крупного ущерба, наступление тяжких последствий, таких как ухудшение инвестиционного климата, безработица, социальная напряженность на фоне сокращения рабочих мест или ликвидации предприятия, резкое сокращение товаров или услуг, если вышеуказанные последствия находятся в причинно-следственной

связи с действиями (бездействием) лица. Но в связи с объективными социально-экономическими причинами законодатель в 2003 г. исключил данные последствия из диспозиции статьи.

При определении содержания (структуры) ущерба, причиненного в результате преднамеренного банкротства, как пишет Г.С. Улезько, элементами ущерба могут быть исключительно требования кредиторов по денежным обязательствам и задолженность по уплате обязательных платежей [6, с. 133]. Действительно, ст. 196 УК РФ не учитывает изменения, которые внесены в 2015 г. в ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В результате пробела законодательной техники при определении размера ущерба, причиненного преступлением, формально не подлежит учету задолженность по оплате выходных пособий и труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору.

Значительные сложности на практике возникают при определении стоимостной характеристики размера ущерба. В связи с чем сформировалось несколько подходов к решению данной проблемы.

Согласно первому подходу, размер ущерба подлежит определению на основании реестра требований кредиторов, сформированного в рамках дела о банкротстве [7, с. 29], находящегося в производстве арбитражного суда. Некоторые ученые утверждают, что в состав ущерба надлежит включать требования кредиторов, входящие в реестр в рамках дела о банкротстве, находящегося в производстве арбитражного суда. Можно предположить, что этот правовой подход зиждется на положениях абзаца 1 п. 11 ст. 61.11 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В случае применения по аналогии положений о размере субсидиарной ответственности можно заключить, что ущерб при преднамеренном банкротстве причиняется кредиторам должника и заключается в неполном погашении их требований. Соответственно, сумма ущерба, причиненного преступлением, может быть определена только после окончания

расчетов с кредиторами.

Однако данный подход порождает ряд квалификационных проблем. Во-первых, недостатком исследуемого правового подхода является то, что при определении размера ущерба как совокупности требований, включенных в реестр, из круга потерпевших исключается должник. Во-вторых, такой подход вызывает сложности при определении даты, по состоянию на которую необходимо устанавливать размер ущерба. Размер денежных обязательств и обязательных платежей определяют на дату обращения в арбитражный суд с требованием о признании должника банкротом, и он считается установленным с момента вынесения соответствующего определения арбитражным судом [1, с. 35]. Формирование реестра начинается в момент признания обоснованными требований кредитора, обратившегося в арбитражный суд с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом), либо после рассмотрения заявления должника о признании себя несостоятельным (банкротом), и заканчивается по истечении двух месяцев с даты опубликования сведений о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства. Реестр требований кредиторов не является константой и может изменяться в вышеуказанном темпоральном промежутке. Следовательно, размер ущерба достоверно может быть определен на дату закрытия реестра.

В-третьих, определенные сложности изложенного подхода обусловлены включением в реестр требований, которые в дальнейшем могут быть признаны необоснованными. На практике зачастую возникают случаи, в которых арбитражный суд включает в реестр требований кредиторов фиктивные требования кредиторов, поскольку они формально соответствуют закону. Но впоследствии, если в результате оспаривания сделок должника будет установлена их противоправность, они могут быть исключены из реестра. Таким образом, исключение всех необоснованных (фиктивных) требований из реестра возможно только при завершении процедуры конкурсного производства.

В-четвертых, приведенный подход не учитывает того, что сформированный реестр не является объективным отражением имущественных потерь, причиненных уполномоченным органам и кредиторам. В реестре требований кредиторов указаны все признанные обоснованными арбитражным судом требования кредиторов и уполномоченных органов. Но в рамках конкурсного производства некоторые требования могут быть погашены в результате реализации имущества должника. Следовательно, экономические потери кредиторов могут превышать сумму требований, указанную в реестре. Соответственно, подобный подход может нарушать принципы справедливости и *non bis in idem*, а также создавать возможность двойного взыскания: кредиторы могут получить удовлетворение в рамках дела о банкротстве должника, а также в рамках гражданского иска о возмещении ущерба, причиненного преступлением.

Согласно второй точке зрения, при определении ущерба необходимо исходить из размера уменьшения активов должника, возникшей в результате совершения лицом противоправных действий [7, с. 28].

По мнению Г.А. Есакова, крупный ущерб следует определять через уменьшение активов должника – юридического лица, «могущих» составить конкурсную массу, на сумму 2 250 000 рублей. Увеличение задолженности на указанную сумму должника – юридического лица, ставшее следствием преднамеренного банкротства, следует рассматривать как крупный ущерб. Уменьшение активов (будущей конкурсной массы) банкрота в итоге причиняет ущерб кредиторам в виде неполучения ими должного, причитающегося им по обязательствам должника [3, с. 176]. По мнению Г.А. Есакова, положительной стороной такого подхода является «централизация» крупного ущерба, исключая необходимость оценки индивидуального ущерба, предположительно понесенного отдельными кредиторами, с неизбежно возникающими вопросами о возможности суммирования таких индивидуальных ущербов [2, с. 44].

Изложенная позиция получила широкое распространение в правоприменительной практике, однако, по нашему мнению, порождает ряд квалификационных вопросов. Во-первых, неплатежеспособность не всегда возникает в результате уменьшения активов, она может быть вызвана принятием мер по взысканию дебиторской задолженности, посредством формирования искусственной кредиторской задолженности или увеличением размера пассивов (обязательств). Во-вторых, сделки, направленные на уменьшение активов должника, могут быть оспорены в ходе процедуры несостоятельности (банкротства) кредиторами или арбитражным управляющим. Реституция выступает правовым последствием признания сделок должника недействительными и предполагает восстановление состояния, имевшего место до совершения сделок, благодаря чему происходит возвращение имущества (активов) должника, которое в ходе конкурсного производства в дальнейшем может быть реализовано либо использовано в процессе хозяйственной деятельности для восстановления платежеспособности должника. Соответственно, в таком случае прямой ущерб может отсутствовать.

Согласно третьему подходу, размер ущерба представляет собой сумму неудовлетворенных требований кредиторов по окончании конкурсного производства. Данный правовой подход позволяет учитывать реальные потери кредиторов, причиненные банкротством должника.

А.А. Коренная полагает, что при установлении размера ущерба следует исходить из общего размера требований кредиторов, включенных в реестр и подлежащих удовлетворению. В случае полного или частичного удовлетворения требований кредиторов размер ущерба не подлежит уменьшению [5, с. 50–51]. Однако данный подход также не лишен недостатков, поскольку ставит механизм привлечения к уголовной ответственности в зависимость от арбитражного судопроизводства.

В теории и правоприменительной практике существует дискуссия по вопросу определения содержания крупного

ущерба. Поскольку консолидированная позиция относительно данного вопроса отсутствует, ряд ученых полагают, что следует учитывать ущерб, причиненный одному кредитору («индивидуальный»). Другие считают, что следует принимать во внимание «суммарный» ущерб, причиненный нескольким кредиторам [2, с. 45]. Большинство представителей научного сообщества и практических работников солидарны со вторым подходом. Действительно, при установлении размера ущерба необходимо учитывать указанную в реестре задолженность по уплате обязательных платежей и требования кредиторов по денежным обязательствам, а также «зарегистровые» требования (не включенные в реестр в связи с пропуском срока их предъявления) и обязательства, возникающие по текущим платежам. Возникновение вышеуказанной задолженности должно находиться в прямой зависимости от виновных действий (бездействия) лица. В большинстве случаев определение размера ущерба, причиненного в результате преднамеренного банкротства, производится посредством проведения экспертиз, в частности финансово-экономической или финансово-аналитической.

Целесообразно обратить внимание и на проблему определения временного периода причинения ущерба. Статья 61.10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предусматривает возможность привлечения к ответственности контролирующего должника лица за деяния, совершенные за три года до возникновения признаков банкротства, а также в период после их возникновения, но до принятия арбитражным судом заявления о банкротстве. Согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 возможно привлечение контролирующего лица к иной ответственности за действия, совершенные за пределами вышеуказанного трехлетнего периода. С точки зрения уголовного права, поскольку вышеуказанное преступление является тяжким, срок давности привлечения лица к уголовной ответственности составляет десять лет со дня совершения

действия (бездействия), повлекшего несостоятельность (банкротство) должника. Однако данный вывод основан исключительно на системном толковании положений законодательства и требует законодательной регламентации.

По результатам проведения мониторинга правоприменительной практики следует указать, что потерпевшими по делам о преднамеренных банкротствах признаны кредиторы и (или) компания-должник; учредители и участники компании-должника; учредители и участники, а также компания-должник; учредители и участники, кредиторы, а также компания-должник; работники и кредиторы компании-должника и кредиторы. С учетом системного толкования положений гражданского и уголовного законодательства потерпевшим могут быть признаны компания-должник и ее кредиторы. Однако отнесение к числу потерпевших учредителей и участников, а также работников компании-должника представляет собой необоснованное расширение круга потерпевших. Вместе с тем на практике известны случаи отсутствия потерпевшего по уголовному делу, что также представляет собой пример порочной практики.

На основании проведенного исследования можно заключить, что в целях унификации и гармонизации правоприменительной практики и доктринальных подходов по вопросам установления содержательной и стоимостной характеристик ущерба представляется необходимой разработка уголовно-правовой характеристики данного преступления в формате методических рекомендаций для практических работников. По нашему мнению, вышеуказанное позволит минимизировать ошибки, допускаемые при квалификации, а также будет способствовать эффективному расследованию преднамеренных банкротств и привлечению к уголовной ответственности виновных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бертовский Л.В., Гаврилова Н.А.* Методика расследования преднамеренных банкротств. М.: Юрлитинформ, 2018. 184 с.
2. *Говорков Н.М., Терехов Е.В.* Круп-

ный ущерб при криминальном банкротстве // *Законность*. 2013. № 11. С. 44–47.

3. *Есаков Г.А.* Экономическое уголовное право. Общая часть. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019. 359 с.

4. *Жилкин М.Г.* Правовая оценка ущерба при криминальных злоупотреблениях в сфере банкротства // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2020. № 6 (225). С. 56–64.

5. *Коренная А.А.* Определение размера ущерба, причиненного преднамеренным

банкротством (ст. 196 Уголовного кодекса Российской Федерации) // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2021. № 1. С. 47–51.

6. *Улезько Г.С.* Уголовно наказуемое преднамеренное и фиктивное банкротство: законодательная регламентация и практика применения: дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2020. 205 с.

7. *Шматенко А.А.* Ущерб как элемент объективной стороны криминальных банкротств // *Российский следователь*. 2014. № 8. С. 27–32.